

ление возможных последствий в случае срабатывания взрывного устройства, наличия реальной опасности для людей, находящихся на различных расстояниях от взрывного устройства; выяснение местоположения исполнителя преступления в момент взрыва; реконструкцию взрывного устройства по его остаткам или следам на предметах окружающей обстановки; реконструкцию первоначального положения объектов и предметов окружающей обстановки до взрыва и т. п.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в ходе расследования преступлений, совершаемых с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств, в подавляющем большинстве случаев ставятся как идентификационные (84 % случаев) и диагностические (88 %) задачи.

Объектами взрывотехнической экспертизы выступают те источники сведений об устанавливаемых фактах, те носители информации, которые подвергаются экспертному исследованию и посредством которых познаются обстоятельства, входящие в предмет экспертизы. Говоря о границах предмета взрывотехнической экспертизы, следует отметить, что вопросы, связанные с механизмами технологических взрывов, вызванными нарушением правил безопасности и т. п., не относятся к ее области знаний и рассматриваются в рамках самостоятельного рода экспертизы – взрывотехнологической. По данному поводу Е.Н. Тихонов указывает, что «криминалистическая взрывотехническая экспертиза должна четко ограничиваться от близких к ней, смежных во многих отношениях, но самостоятельных экспертиз, связанных со взрывами на производстве, транспорте и т. п., вызванных нарушениями правил техники безопасности при проведении буровзрывных работ, хранении различных веществ и материалов, их транспортировке, эксплуатации различных промышленных систем». Вместе с тем следует отметить, что так как в настоящее время необходимая научно-техническая база, а также соответствующей квалификации специалисты имеются только в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь, то именно там проводятся все значимые в республике как взрывотехнические, так и взрывотехнологические экспертизы и исследования.

Объектами взрывотехнической экспертизы являются: взрывные устройства (промышленного и самодельного изготовления) и их отдельные элементы (взрывчатые вещества, средства взрывания, поражающие элементы и т. д.); элементы взрывного устройства (в том числе самодельного) на различных стадиях их готовности (заготовки, полуфабрикаты); изделия, содержащие взрывчатые вещества (пиротехнические, зажигательные, дымовые и т. д.); взрывчатые вещества и их отдельные компоненты; следы взрыва; материалы уголовного дела, содержащие информацию о различных обстоятельствах взрыва (протоколы осмотра места происшествия, иных следственных действий, материалы видеозаписи, фотоснимки, планы, схемы, чертежи и т. д., содержащие сведения о материальной обстановке места взрыва, характеристике конструкции, технических параметрах, способе изготовления и приведения в действие взрывного устройства и др.); образцы для сравнительного исследования; средства, инструменты и материалы (включая письменные и электронные документы с записями, расчетами, формулами, схемами, чертежами и т. д.), используемые для изготовления взрывчатого вещества, взрывного устройства или его отдельных элементов и др. В изученных уголовных делах на взрывотехнические исследования направлялись следующие объекты: взрывное устройство – в 16,6 % случаев; остатки взрывного устройства – в 88,5 %; следы взрыва – в 88,5 %; материалы уголовного дела, содержащие информацию о различных обстоятельствах взрыва – в 73,1 %; образцы для сравнительного исследования – в 42,3 %; средства, инструменты и материалы, используемые для изготовления взрывного устройства – в 33,2 %.

По причине того, что одни и те же объекты, изымаемые при осмотре места взрыва, могут быть исследованы в рамках различных экспертиз, значение имеет правильная очередность их назначения и производства. Несоблюдение последовательности исследований может привести к уничтожению ценных признаков и свойств объектов, в результате чего станет невозможным их дальнейшее исследование в рамках другой экспертизы. Именно поэтому перед их назначением целесообразно получить соответствующую консультацию у специалиста.

Результаты проведенных исследований в рамках взрывотехнической экспертизы оформляются заключением эксперта, являющимся одним из источников доказательств по уголовному делу. Указанному процессуальному документу придается особое значение в системе имеющихся доказательств, так как именно взрывотехническая экспертиза дает ответы на вопросы о механизме взрыва, использующихся при нем взрывчатых веществах, взрывных устройствах и т. д. Согласно ч. 2 ст. 95 УПК Республики Беларусь заключение эксперта не является обязательным для органов уголовного преследования и суда, но при этом такое несогласие должно быть ими мотивировано.

Таким образом, современные возможности взрывотехнической экспертизы позволяют дать ответы по наиболее значимым для расследования вопросам: о принадлежности объектов к взрывным устройствам (взрывчатым веществам), способе их изготовления, причинах взрыва, времени его производства, идентичности объектов, обнаруженных на месте взрыва и изъятых у подозреваемых (обвиняемых) лиц, а также об уровне специальных познаний и профессиональных навыков изготовителя взрывного устройства (взрывчатого вещества).

УДК 343.13

Н.В. Попова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в Конституции, является обязательным для всех отраслей государственной власти.

Конституция РФ является Основным Законом государства, провозглашает права и свободы человека высшей ценностью и закрепляет, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Право на свободу передвижения

и личную неприкосновенность – важнейшее право любого гражданина, которым он наделяется с рождения, тем самым имея возможность совершать любые действия, не запрещенные законом. Основной Закон государства предоставляет суду право принимать решение об ограничении свободы передвижения в отношении лиц, совершивших преступление. Уголовно-процессуальное законодательство РФ устанавливает случаи, когда гражданина могут ограничить в своих правах и к нему могут быть применены меры пресечения – самые строгие из мер уголовно-процессуального принуждения. Ограничение данных прав допускается только по судебному решению. Лицо может быть задержано на срок до 48 часов без судебного решения до выяснения обстоятельств (ст. 22 Конституции).

Ограничения предоставленных прав и свобод должны быть оправданы публичными интересами общества, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются соразмерными, необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. Суды, соблюдая принцип презумпции невиновности, стараются установить равновесие между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и значимостью соблюдения права на свободу личности.

В уголовном судопроизводстве предусмотрено применение мер пресечения в соответствии с УПК РФ за совершение преступлений, запрещенных уголовным законом. К наиболее строгим мерам пресечения, ограничивающим свободу передвижения, относятся заключение под стражу и домашний арест. Применение данных мер накладывает определенные ограничения, установленные уголовно-процессуальным законодательством, но исключительно только по судебному решению и только в том случае, если невозможно применение менее строгой меры принуждения.

Рассматриваемая мера пресечения – домашний арест – берет свое начало из далекого 1864 г. из Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), где было предусмотрено, что никто не может быть ни задержан под стражей иначе как в случаях, законами определенных, ни содержим в помещениях, не установленных на то законом.

Требование о взятии кого-либо под стражу подлежало исполнению лишь тогда, когда оно следовало в порядке, определенном правилами УУС.

Каждый судья, каждый прокурор, который в пределах своего участка или округа удостоверится в задержании кого-либо под стражей без постановления уполномоченных на то мест и лиц, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы.

В разные годы (1923, 1960, 2001 гг.) домашний арест как мера пресечения претерпевал изменения: то применялся, то исчезал из кодекса. И как мера пресечения домашний арест начал применяться с 2002 г. в полном объеме после вступления в законную силу УПК РФ. Включение домашнего ареста в перечень мер пресечения расширил возможности гуманизации уголовного судопроизводства, что способствует гуманизации уголовной политики государства.

Домашний арест является мерой принудительного характера, применяемой судом по ходатайству следователя (дознателя) либо по собственной инициативе, к обвиняемому, в исключительных случаях к подозреваемому, с целью исключения возможности скрыться от органов предварительного расследования, суда; возможности продолжить заниматься преступной деятельностью; возможности применения угроз участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательства либо иным путем воспрепятствования производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ).

При избрании домашнего ареста необходимо учесть степень опасности совершенного преступления, возраст лица, привлекаемого к уголовной ответственности, его должностной статус и другие обстоятельства. Представленные доказательства виновности лица с целью применения домашнего ареста должны содержать достаточные сведения для подтверждения оснований применения. Представленные документы в суд должны обладать одним свойством – подтверждать обоснованность заявленного требования должностного лица, избравшего данную меру пресечения.

Одним из определяющих условий применения данной меры пресечения должно являться наличие жилища. Целесообразно представлять в суд документы, подтверждающие права владения, пользования жилищем. Ведь логично, что, если у лица отсутствует жилище, данная мера пресечения не может быть применена априори.

Степень востребованности данной меры пресечения можно проследить в представленных статистических данных УФСИН РФ. Итак, по количеству лиц, состоящих на учете подозреваемых (обвиняемых), в отношении которых была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, показатели следующие: 1 822 – 2013 г.; 2 730 – 2014 г.; 4 215 – 2015 г.; 5 642 – 2016 г.; 6 753 – 2017 г. Из анализа видно, что с каждым годом количество лиц идет на увеличение, что может указывать на две причины: первая – количество преступлений с каждым годом увеличивается; вторая – все более лояльно (гуманнее) судьи относятся к лицам, совершившим преступления, и заменяют заключение под стражу домашним арестом.

В отношении электронного контроля данные следующие: по состоянию на 1 января 2015 г. под электронным контролем находилось 13,8 тыс. человек, состоящих на учете в УИИ, из них 11,5 тыс. – осужденные к ограничению свободы и 2,2 тыс. – лица, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Всего при помощи данной системы электронного мониторинга подконтрольных лиц выявлено более 30 тыс. нарушений режима отбывания наказания в виде ограничения свободы, 4 858 фактов нарушений условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. По результатам собранных при помощи электронных устройств доказательств направлены в места лишения свободы более 4 тыс. осужденных к ограничению свободы, на 9 959 осужденных судом по представлениям УИИ возложены дополнительные ограничения. Приведенные данные свидетельствуют о том, что, находясь под электронным мониторингом, лица, к которым установлены ограничения в соответствии с процессуальным законодательством, не перестают нарушать режим, совершая правонарушения, которые впоследствии неблагоприятно влияют на дальнейшую судьбу.

Подводя итог, отметим, что домашний арест – вторая по строгости мера пресечения после заключения под стражу. Суть домашнего ареста проявляется в существенном ограничении личной свободы лица, к которому она применяется, с сохранением права проживать в жилище, а также в определенных ограничениях, установленных должностным лицом, правомочным при-

менять данную меру пресечения. Обдуманное, правомерное, законодательно грамотное применение данной меры пресечения позволит рационально применять ее к лицам, которые не склонны к продолжающейся преступной деятельности, а именно применение к тем лицам, которые осознали в полной мере степень ответственности за совершенные преступления.

УДК 343.1

К.В. Проваторова

ПРОБЛЕМАТИКА ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

К изучению правовых основ, понятия и содержания общих условий предварительного расследования и общих условий судебного разбирательства в истории науки уголовно-процессуального права обращались многие дореволюционные, советские, российские ученые (П.В. Макалинский, С.И. Викторский, С.В. Познышев, П.И. Люблинский, М.С. Строгович, А.М. Ларин, А.В. Ленский, П.А. Лупинская, А.Г. Мамонтов, Т.Н. Москалькова, В.М. Савицкий и др.).

Однако до настоящего времени, несмотря на то, что нормативным положениям указанных институтов в структуре действующего УПК РФ законодателем посвящены отдельные гл. 21 («Общие условия предварительного расследования») и 35 («Общие условия судебного разбирательства»), общего подхода к понятию ни одного из данных правовых институтов не выработано.

В дореволюционный и советский периоды многие правоведы придерживались позиции, что общие условия – это принципы предварительного следствия, ставя между принципами и общими условиями предварительного следствия, регламентированными гл. 9 УПК РСФСР 1923 г. и гл. 10 УПК РСФСР 1960 г., знак равенства. Общие условия воспринимались и как требования организационно-управленческого характера, выражающие сущность ключевых стадий уголовного процесса, прайва производства на них.

Так, в современном российском уголовно-процессуальном праве предусмотрен гл. 21 УПК РФ четкий перечень общих условий предварительного расследования, выразившийся в нормативных правовых положениях ст. 150–161 УПК РФ, а также гл. 35 УПК РФ регламентирована система общих условий судебного разбирательства, объединяющая нормативные положения ст. 240–260 УПК РФ, в науке уголовного процесса параллельно с решением вопроса о понятии данных институтов продолжают возникать дискуссии по вопросу их оптимального комплектования. Авторы, исходя из видения их сути и задач, высказывают различные точки зрения на состав и основания (критерии) классификации обеих систем.

По мнению В.А. Михайлова, все общие условия предварительного расследования должны классифицироваться на четыре группы. Первая – те, которые под названием «Общие условия предварительного расследования» предусмотрены главой 21 УПК РФ (ст. 150–161). Вторая – в УПК РФ прямо не названные общими условиями предварительного расследования, но таковыми являющиеся. Они предусмотрены в гл. 22 УПК РФ «Предварительное следствие» (ст. 162–170) и в гл. 32 «Дознание» (ст. 223, 223.2). Третья – не названа в УПК общими условиями предварительного расследования, хотя они таковыми являются. Они предусмотрены УПК РФ в его ч. 1 «Общие положения». Четвертая – те, которые прямо не предусмотрены нормами УПК РФ, но из соответствующих его положений вытекают. В данном случае имеются в виду цели, задачи и система предварительного расследования, его быстрота, всесторонность, полнота и объективность и др.

Иной позиции придерживаются А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, которые делят общие условия предварительного расследования на три группы, связанные с выбором надлежащего субъекта расследования и его процессуальным положением; обеспечением всесторонности, полноты, объективности и быстроты расследования; обеспечением прав и законных интересов участников расследования.

Неоднозначные подходы встречаются также и при решении вопроса о классификации общих условий судебного разбирательства.

Приведенные авторские позиции не являются исчерпывающим перечнем существующих взглядов на систематизацию общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства в российском уголовно-процессуальном праве: данный вопрос до настоящего времени остается спорным. Отсутствие в УПК РФ легального определения общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства не уменьшает их значимости в уголовно-процессуальной доктрине и правоприменительной практике. Выделение законодателем определенных нормативных положений в качестве «общих условий» из числа других говорит об их главенствующем характере над остальными нормами, входящими в систему правового регулирования названных стадий, указывает на их исключительность и универсальность.

Однако многообразие существующих позиций по вопросу понятия, структуры и содержания обеих систем общих условий, не лишенных субъективных оценок авторов, указывает на недостаточность исследования данных правовых институтов, что может негативно отразиться при применении их нормативных положений в практической деятельности сотрудников органов предварительного расследования, суда и прокуратуры, связанной с раскрытием преступлений, расследованием и рассмотрением уголовных дел. Следует согласиться с В.Г. Даевым и В.В. Шимановским, что невозможно обеспечить выполнение задач предварительного расследования без соблюдения установленных законом общих условий его производства; соответственно, решение задач судебного разбирательства требует безусловного соблюдения в рамках данной стадии совокупности ее общих условий.

Ценность общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства в системе уголовно-процессуального права нельзя недооценивать, они раскрывают назначение и содержание двух ключевых стадий уголовного про-